

На правах рукописи

АББАСХИЛМИ Абдулазиз Яссин Аббасхилми

**ТВОРЧЕСТВО А.П. ЧЕХОВА В ИРАКЕ:
ВОСПРИЯТИЕ И ОЦЕНКА**

10.01.01 – русская литература

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Волгоград — 2015

Работа выполнена на кафедре отечественной литературы федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Южный федеральный университет».

Научный руководитель – *Ларионова Марина Ченгаровна*, доктор филологических наук, доцент.

Официальные оппоненты: *Кубасов Александр Васильевич*, доктор филологических наук, профессор (ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет», заведующий кафедрой методик преподавания школьных дисциплин в специальной (коррекционной) школе);

Страшкова Ольга Константиновна, доктор филологических наук, доцент (ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», профессор кафедры отечественной и мировой литературы).

Ведущая организация – ФГБОУ ВПО «Самарский государственный университет».

Защита состоится 11 декабря 2015 г. в 12.30 час. на заседании диссертационного совета Д 212.027.03 в ФГБОУ ВПО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет» по адресу: 400066, г. Волгоград, пр. им. В.И. Ленина, 27.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте Волгоградского государственного социально-педагогического университета: <http://www.vgpu.org>.

Автореферат разослан 2 ноября 2015 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук,
доцент

К.И. Декатова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В современном многополярном и поликультурном мире остро встает вопрос о роли не только России, но и русской культуры в изменившихся геополитических обстоятельствах. Поэтому особого внимания заслуживают положительные примеры взаимодействия русской и зарубежных литератур. Культурные отношения России и ряда арабских стран выдержали проверку временем.

Рубеж XIX–XX вв. ознаменовался интенсивным развитием взаимодействия России с арабскими странами. Этому во многом способствовала деятельность Императорского православного палестинского общества. В течение XX в. интерес к России и Советскому Союзу в арабских странах возрастал, усиливалась освободительная борьба арабских народов, добивавшихся политической независимости.

Одним из самых популярных русских писателей во многих арабских странах – в Ираке, Египте, Сирии, Ливане – был и остается А.П. Чехов. Но если европейская реакция на творчество А.П. Чехова широко известна, то роль русской литературы в становлении и формировании арабских литератур еще требует изучения и осмысления.

Общим местом в филологической науке стало утверждение об общечеловеческом и вневременном смысле творчества Чехова. Однако не до конца проясненным остается то, как понимается этот общечеловеческий и вневременной смысл в разных концах земли, что именно чеховское «присваивают» себе разные народы. Естественно предположить, что на Востоке и Западе Чехова понимают по-разному. Самой своей биографией, темами своего творчества, демократизмом и гуманизмом Чехов понятнее арабам, чем европейцам, которые в основном видят в его произведениях тоску, рутину повседневной жизни, интеллигентскую рефлексию.

Специальных исследований, посвященных системному анализу восприятия и оценки творчества Чехова в арабских странах или в одной арабской стране, пока мало. Небольшой, всего пять страниц, обзор «Чехов в арабской литературе» содержится в третьем томе собрания сочинений крупнейшего востоковеда, главы отечественной школы арабистики И.Ю. Крачковского¹. Недостаток в научном знании о восприятии творчества Чехова в арабских странах был отчасти восполнен изданием ИМЛИ РАН «Чехов и мировая литература» в серии «Литературное наследство» (т. 100). Книга третья этого издания содержит материал об отношении к творчеству и личности писателя в арабских странах, в

---

¹ Крачковский И.Ю. Чехов в арабской литературе // Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 3. С. 312–316.

частности в Ираке. Однако обзор Б.В. Чукова «Чехов в Ираке» вместе со списком литературы насчитывает четыре с половиной страницы¹. В 2014 г. вышла обстоятельная работа Э.А. Али-Заде «Русская литература и арабский мир (к истории арабо-русских литературных связей)»². Иракская тема там представлена очень скромно, отдельными упоминаниями. Это свидетельствует о крайне малой разработке нашей темы в российском чеховедении.

Актуальность работы определяется, во-первых, взаимным притяжением русской и арабской культур в связи с политической ситуацией в мире, с активным взаимодействием России и некоторых арабских стран и, во-вторых, перспективами выявления их национальных особенностей и точек соприкосновения, что, в конечном счете, демонстрирует общечеловеческое значение русской литературы.

Объект исследования – произведения А.П. Чехова в оценке и понимании Арабского Востока.

Предмет исследования – отражение в иракской критике и литературе общечеловеческого и национального содержания как творчества Чехова, так и воспринимающей его культуры, особенностей русской и арабской художественной ментальности.

Цель диссертации – установить и проанализировать художественные особенности национального восприятия и оценки личности и творчества А.П. Чехова в Ираке.

Задачи работы:

1) показать, как складывается «образ Чехова» в арабской критике, какие качества его творчества оказались для нее наиболее привлекательными, проследить динамику критического восприятия Чехова от историко-биографических оценок до эстетического освоения;

2) проанализировать сценические интерпретации чеховских произведений в Ираке; выявить, какие свойства чеховской драматургии в наибольшей мере соответствуют традициям иракского театра;

3) проанализировать особенности освоения чеховского творчества в современных арабских драматических рецепциях чеховских произведений.

Материалом диссертации стали произведения А.П. Чехова, книги и статьи иракских критиков, театральные рецензии, литературные и сценические рецепции чеховского творчества в Ираке.

---

¹ Чуков Б.В. Чехов в Ираке // Чехов и мировая литература: Литературное наследие. Т. 100. Кн. 3. М.: ИМЛИ РАН, 2005. С. 253–258.

² Али-Заде Э.А. Русская литература и арабский мир (к истории арабо-русских литературных связей). М.: Изд-во МБА, 2014. Кн. 1.

Методологической основой работы являются труды крупнейших российских и зарубежных ученых в области изучения творчества А.П. Чехова (Б.И. Зингерман, В.Б. Катаев, З.С. Паперный, Э.А. Полоцкая, А.П. Скафтымов, И.Н. Сухих, А.П. Чудаков и др.), сравнительного литературоведения (М.П. Алексеев, А.Н. Веселовский, В.М. Жирмунский, Н.И. Конрад, И.О. Шайтанов и др.), востоковедения (И.Ю. Крачковский, Э.А. Али-Заде и др.) и рецептивной эстетики и герменевтики (Г.-Г. Гадамер, М.М. Бахтин, Х.-Р. Яусс и др.).

Методы исследования соответствуют целям и задачам работы. Поскольку мы говорим о влиянии личности и творчества Чехова на культурную жизнь Ирака, их восприятию и оценке, а также о формах адаптации и интерпретации, мы обращаемся к синтезу элементов сравнительного метода, герменевтического подхода и рецептивной эстетики.

В сравнительном подходе нас интересует тот аспект, который связан не с заимствованиями, не с многочисленными фактами параллелей, а с восприятием личности и творчества писателя в иноэтнической и иноязычной среде. «Адаптация» личности и творчества Чехова к иракскому культурному сознанию проявилась в специфическом отборе фактов биографии писателя, истолковании его произведений, создании переложений и обработок с перенесением конфликтов, событий и героев на местную почву. Вслед за Яуссом мы понимаем рецепцию как интерпретацию литературного произведения в соответствии с эстетическим опытом и «горизонтом ожидания» читателя, как историю вхождения чеховских произведений в чужую культуру, как процесс исторического восприятия их смысла в чужой культуре. Главное понятие герменевтики – понимание. Понимание творчества Чехова в Ираке – это перевод на арабский язык и адаптация к другой знаковой системе культуры, когда толкуемые произведения и литературные факты преобразуются в воспринимающем сознании и становятся отличными от оригинала, одновременно теряя и приобретая смыслы. Так чужая культура «овладевает» Чеховым, «присваивает» его себе.

Научная новизна диссертации заключается в том, что впервые:

- 1) системно рассмотрены восприятие и оценка творчества Чехова в Ираке и формы его художественного освоения;
- 2) проанализированы книги и статьи иракских критиков, посвященные творчеству Чехова, театральные рецензии на спектакли по произведениям писателя;
- 3) прослежена динамика восприятия творчества Чехова в Ираке;
- 4) выявлены особенности чеховского творчества, наиболее востребованные литературой и театром Ирака.

Теоретическое значение: результаты исследования позволяют углубить представление о сравнительном изучении русской и зарубежной литературы, об особенностях восприятия русской литературы на Арабском Востоке, о переводе «текста» одной культуры на художественный язык другой, о путях и методах сравнительного изучения художественных образов в литературе разных стран, а также уточнить некоторые положения рецептивной эстетики и герменевтики для тех случаев, когда автор и читатели принадлежат разным культурным традициям.

Практическая значимость: материалы и результаты исследования могут быть использованы при разработке лекционных курсов по русской литературе XIX в., спецкурсов по творчеству Чехова, компаративистике и рецептивной эстетике в России и Ираке.

Положения, выносимые на защиту:

1. Литературная критика в Ираке в отношении Чехова развивалась от историко-биографических оценок к эстетическому осмыслению чеховского творчества. Иракская чеховиана долгое время находилась под большим влиянием социологического подхода к творчеству Чехова. Постепенно были оценены его мастерство в области повествования, создания характеров, изображения внутреннего мира героев, художественной символики, новаторство драматургии.

2. Авторы сценических интерпретаций произведений Чехова в Ираке стремились как к сохранению художественного мира писателя, так и к его переосмыслению в соответствии с традициями национального театра, его условно-символической природой, что отчасти соответствует особенностям театра Чехова. Наиболее близкими иракским режиссерам, зрителям и театральным критикам оказались водевили Чехова и одноактные пьесы, что объясняется, с одной стороны, материальными возможностями небольших театральных трупп Ирака, с другой стороны, социальной и психологической проблематикой, которую усматривали в пьесах Чехова в Ираке. Самым любимым и популярным стал драматический этюд «Лебединая песня», главная тема которого – судьба актера – оказалась особенно актуальной для иракской театральной и общественной жизни.

3. Драматические рецепции чеховских рассказов иракской писательницы Ауагиф Наим представляют собой следование духу, а не букве произведений Чехова. Переноса события и героев на иракскую почву, она позволяет осмыслить произведения Чехова как «свои», делает их фактом арабской культуры.

Оценка достоверности результатов исследования выявила: применены адекватные методы и приемы исследования; объем анализируемого материала репрезентативен, поскольку включает широкий

круг художественных и критических текстов; полученные теоретические и практические выводы опираются на значительную теоретико-методологическую базу; основные выводы отражены в журналах и сборниках научных статей (Ростов-на-Дону, Волгоград, Москва).

Апробация работы. Материалы исследования представлены в 7 статьях общим объемом около 3,3 п.л. и докладах на международных научных конференциях: «Творчество А.П. Чехова: рецепции и интерпретации» (Ростов-на-Дону, 2012), «Категории рационального и эмоционального в художественной словесности» (Волгоград, 2013), «Восток–Запад: диалог культур в пространстве русской словесности» (Волгоград, 2014), «Чеховская карта мира. К 110-летию со дня смерти писателя» (Мелихово, 2014), «Чеховские чтения в Ялте: Чехов и Шекспир» (Ялта, 2015), «Философия А.П. Чехова» (Иркутск, 2015). Основные положения диссертации отражены в 7 статьях, 3 из них – в изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и списка литературы.

Все переводы с арабского языка выполнены автором диссертации.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** представлены актуальность исследования и степень научной разработанности темы, сформулированы цели и задачи работы, положения, выносимые на защиту, определены объект, предмет и методы диссертации, указана ее научная и практическая значимость, приведены сведения о научной апробации результатов работы.

В **первой главе** «Личность и творчество А.П. Чехова в восприятии иракской критики» рассматривается критическое осмысление личности и творчества Чехова в Египте и Ираке. *Раздел 1.1* «Роль Палестинского православного общества в распространении русской литературы на Арабском Востоке» посвящен культурно-просветительской деятельности Палестинского общества. Именно благодаря ему русская литература и творчество Чехова стали известны арабам. Общество содержало около ста школ, в которых учились более одиннадцати тысяч арабских детей. Кроме арабских учителей, приезжали преподаватели из России. Большое значение отводилось обучению русскому языку и литературе. Приобщение к русской классике расширяло духовный кругозор учеников, облегчало им выход в мировое культурное пространство. Учителя свободно владели русским языком, выписывали журнал «Нива», читали Тургенева, Толстого, Чехова. Некоторые выпуск-

ники русских учебных заведений стали первыми переводчиками русских произведений на арабский язык с языка оригинала, а не с европейских языков-посредников.

В *разделе 1.2* «Начало освоения творчества А.П. Чехова в арабском мире. Первая книга о Чехове Наджати Сидки» рассматриваются причины интереса к Чехову в арабском мире. Арабская критика осваивала чеховское творчество медленнее, чем читатели. Долгое время образцом формы для арабских писателей был Мопассан. Чехов же привлекал внимание прежде всего «человечностью» содержания. Однако уже в конце двадцатых годов не только писатели, но и критики стали интересоваться стилем Чехова и его художественным мастерством. Первыми на этом пути были египтяне.

Самое большое значение для арабской чеховианы имела книга Наджати Сидки «Чехов», опубликованная в 1947 г. в Египте. Это первая самостоятельная книга произведений Чехова с предисловием переводчика о жизни писателя, его произведениях и особенностях его творчества. Н. Сидки опирался на русские работы о Чехове. Критик выделил в творчестве Чехова три периода. В первый период Чехов был больше известен как автор юмористических рассказов, которые публиковались в юмористических журналах. Второй период – это время признания, когда Чехов достигает известности и славы. Третий этап – это период всеобщего признания Чехова великим драматургом. В этот период Чехов показал особый тип русского образованного человека, интеллигента, блуждающего в мире противоречий. Н. Сидки рассказал также о многих фактах личной жизни писателя: о дружбе с Толстым, о болезни и жизни в Ялте, о женитьбе писателя на актрисе Ольге Книппер. С особым чувством Н. Сидки повествует о последних минутах Чехова, его смерти в Германии и отправке его тела в Москву. Но рассказ о жизни и творческой судьбе русского писателя – не единственная цель арабского критика и переводчика. Н. Сидки показывает влияние Чехова на начинающих новеллистов и даёт им свои советы. Книга Н. Сидки, в свою очередь, вызвала множество критических отзывов и замечаний.

Египетская критика, хорошо известная в Ираке, оказала существенное влияние на иракское восприятие творчества Чехова, о котором мы говорим в *разделе 1.3* «Восприятие и оценка личности и творчества Чехова иракской критикой. Книга Шакира Хасбака». Первые переводы произведений Чехова в Ираке были осуществлены еще в 20-е гг. XX в. К 50-м гг. XX в. на арабский язык были переведены многие чеховские рассказы, повести и пьесы. Часто переводчики становились и критиками чеховского творчества, предваряя переводы обширными вступительными статьями. В 1954 г. к пятидесятой годовщине со дня смерти

Чехова в Багдаде вышла книга Ш. Хасбака «Антон Чехов», в которой сформулированы основные положения иракского понимания писателя. Ш. Хасбак перевел с одного из европейских языков несколько рассказов Чехова. Этой подборкой он начинал откровенный разговор о любви и браке, о социальных вопросах, который был новым и актуальным в иракском обществе. Ш. Хасбак повторяет суждение о детстве писателя, когда тот страдал от бедности, жестокости отца и ответственности, которая рано легла на его плечи. Это мнение, распространенное среди арабских критиков, вызванное, видимо, недостатком информации, отсутствием переводов писем Чехова и воспоминаний о нем, поскольку сам Чехов далеко не так однозначно относился к отцу и своему детству. Человечность писателя Ш. Хасбак связывает с врачебной деятельностью и поездкой на Сахалин, где писатель изучал жизнь заключенных. Самой сильной стороной чеховского творчества Ш. Хасбак считает правдивость. Привлекает его и оптимизм Чехова. Убежденность в непреходящем оптимизме Чехова – свойство всей арабской критики.

Неотъемлемой частью иракской чеховианы стали работы египетского критика С. Хафиза, опубликованные в Багдаде. Некоторые замечания С. Хафиза представляются интересными и соответствуют достижениям мировой чеховианы. Например, он одним из первых в арабской критике говорит о фатальном провале коммуникации в пьесах Чехова, об особенностях художественного времени и пространства. В чеховских символах С. Хафиз видит обобщение самого высокого порядка.

Книга М. Юниса «Русская классика и арабская литература», вышедшая в 1985 г., – одна из немногих в Ираке, где системно рассмотрены связи русской и арабских литератур. М. Юнис считает, что русский человек по характеру и образу мыслей ближе к восточному, чем к западному. Главное в русском человеке – простота, вера и доброта, что отличает и арабов, особенно крестьян.

На протяжении 1950–1980-х гг. внимание к Чехову-человеку преобладало над интересом к Чехову-художнику. Иракские критические отклики на биографию и творчество Чехова долгое время находились в русле социологического подхода, но постепенно приблизились к эстетическому восприятию художественного мира писателя. Основная часть обращений к Чехову в Ираке приходится на период до 1990 г. В 1990-е гг. иракская чеховиана замедлила свое движение в связи с политическими событиями, экономической блокадой и войной. Однако в последние годы некоторые иракские газеты размещают материалы о Чехове, авторы которых, пользуясь материалами иракского, российского и европейского литературоведения, создает широкую картину русской литературы, в центре которой оказывается Чехов.

Вторая глава «Пьесы А.П. Чехова на иракской сцене: интерпретации и рецепции» посвящена постановкам пьес и рассказов писателя в Ираке. В начале этой главы мы обозначаем особенности арабского традиционного театра, которые повлияли на сценическую судьбу произведений Чехова: условность, символизм, мистериальность, дидактизм. В *разделе 2.1* «Сценическая судьба водевилей А.П. Чехова» мы обращаемся к постановкам водевилей «Предложение» и «Медведь». Находящийся в процессе перехода от архаических форм к современным иракский театр не сразу обратился к большим чеховским драматическим произведениям. Поэтому первой пьесой, которую увидели иракские зрители, стал водевиль «Предложение». Некоторые режиссеры усиливали фарсовый характер пьесы, тогда как критики рекомендовали обращать больше внимания на диалоги и характеры персонажей. Водевиль «Медведь» в Ираке поняли как сатиру на помещиков, их самодурство и грубость. На примере чеховских водевилей виден устойчивый интерес к драматургии Чехова в Ираке. Иракский театр, подчеркивая в произведениях русского писателя социальный и психологический аспекты, стремится адаптировать их к собственным традициям, вырабатывает специфику их восприятия в инациональной культурной среде.

Одним из самых популярных у арабского зрителя стал драматический этюд «Лебединая песня», или «Последняя песня», как его называют в некоторых арабских переводах. Постановки этой пьесы и критические отзывы на них рассмотрены в *разделе 2.2* «“Лебединая песня” А.П. Чехова на иракской сцене: формы адаптации». Большой интерес к пьесе объясняется темой судьбы художника, близкой иракской театральной молодежи. Критики настаивали на абсолютно реалистическом прочтении чеховской пьесы и упрекали режиссеров и актеров в ее излишней символизации. По мнению критиков, перегруженность символическими деталями разрушает чеховский замысел и делает пьесу непонятной зрителям. С. Абдулхамид, актер, исполняющий роль Светлового в постановке И. Джаляля, в статье «Комментарии к критике пьесы “Лебединая песня”» изложил очень важные, на наш взгляд, причины обращения иракского театра к этой пьесе Чехова. Во-первых, он обратил внимание, что образ актера, живущего в тяжелых условиях, к которому общество относится равнодушно, актуален для Ирака и не может не встретить понимания у большинства зрителей. Новая культура Востока формировалась в тот период, когда происходил рост национального самосознания, приведший к освобождению многих стран от колониальной зависимости. Русская литература с ее демократическими ценностями (особенно творчество А.П. Чехова) сыграла в этом

процессе важную роль. Конфликт в пьесе, по мнению иракского актера, очень сложен: это конфликт героя с самим собой и с обществом. Он говорит, что главное в ней – не события, а последовательная психологичность, на что опирается большинство пьес Чехова. И кульминация носит не событийный, а психологический характер. В пьесе есть увлекательность, но она основана не на неожиданности, а на психологической динамике персонажа, на разнообразии и смене его ощущений. Следует отметить, что статья С. Абдулхамида была написана еще до того, как в Ираке появились серьезные научные публикации о русском писателе, до того, как были переведены наиболее важные и интересные работы русских и советских чеховедов, до того, как в Ираке сформировалось представление о Чехове-драматурге. Иракский актер с удивительной для человека другой культуры проницательностью понял чеховский замысел. И интерес к этой пьесе Чехова свидетельствует о ее созвучности художественным поискам арабского театра.

В основном режиссеры следуют чеховскому тексту и замыслу. Однако часть из них вносят в пьесу более или менее существенные изменения. Так, многие режиссеры исключают роль суфлера Никиты и дополняют роль Светловидова, добавляют новых персонажей, трактуют драматический этюд Чехова то как трагедию, то как комедию, делают главного героя бунтарем против сложившейся жизни, против всех, кто искажает театральное искусство. В некоторых постановках Светловидов на сцене умирает. Иракские режиссеры и критики стремились заострить именно социальный смысл чеховской пьесы. Даже в тех спектаклях, где есть символические предметы и образы, главное – это трагедия старости, непонимания, невостребованности, конфликта с обществом.

Вольным переложением «Лебединой песни», вариацией на чеховскую тему стала пьеса А. Наим, о чем мы говорим в *разделе 2.3* «Чеховское» и «шекспировское» в пьесе Ауаутиф Наим «Плыви в море глаз» по мотивам «Лебединой песни» А.П. Чехова». Театр здесь понимается, как и у Чехова, в шекспировском смысле: весь мир – театр. Герой бросает вызов этому миру-театру. Он – взбунтовавшийся шут, у которого, тоже по-шекспировски, большой ум и большое сердце. Шекспировские аллюзии в пьесе не менее важны, чем чеховские. Главный герой пьесы – актер. Тема его монолога – судьба артиста, сбросившего маску и говорящего миру правду. Видимо, поэтому он подвергается преследованию, за ним пришли, ему угрожают. Однако герой А. Наим больше ничего не боится. В чеховской пьесе герой говорит об одиночестве, старости и шутовстве. Но в нем нет озлобления и сарказма, какие испытывает герой А. Наим. И это еще один «шекспировский» знак. Основные мотивы «Лебединой песни» сохраняются, но комбиниру-

ются и интерпретируются по-новому. Роль Никиты отчасти передана Охраннику. Таким образом, арабская писательница представила свою рецепцию чеховского произведения, усилив, сделав очевидными одни мотивы, скрыв другие, приблизив содержание к арабскому читателю и зрителю. Кроме того, иракская пьеса выявила тесную спаянность Чехова и Шекспира, своего рода ответ Шекспиру и игру с Шекспиром в чеховском драматическом этюде.

Раздел 2.4 «“Большие” пьесы А.П. Чехова и их сценическое осмысление» посвящен постановкам и осмыслению поздних пьес Чехова. Их небольшое количество объясняется, во-первых, трудностями постановки этих пьес в малобюджетных антрепризных или студенческих театрах, во-вторых, сложностью самого литературного материала, который требует глубокого понимания мира Чехова и его персонажей и высокого актерского мастерства, и, в-третьих, проблемами перенесения реалий русской жизни на другую культурно-историческую почву. Наиболее интересные постановки были осуществлены в «театре визуального восприятия» С. Элькасаба. «Театр визуального восприятия» подменяет текст движением, зрительными образами. Психология персонажей переводится в символический план, который трудно распознается зрителями. Диалоги значительно сокращены. А ведь именно в диалогах раскрываются сложный внутренний мир героев Чехова, настроение и подтекст его пьес. Иракский театр, который еще хорошо помнит уроки традиционного театра, а традиционный театр – это крайняя форма сценической условности, естественным образом тяготеет к символизму и условности чеховских пьес. Возможно, поэтому постановка «театра визуального восприятия» Салаха Элькасаба произвела большое впечатление на зрителей и вызвала столько откликов. В то же время следование театральным традициям не дало возможности режиссеру воплотить одно из важнейших свойств чеховской драматургии – отсутствие одного главного героя. Символизм свойствен и постановкам других режиссеров. Иракские режиссеры особо выделяют, а зрители приветствуют социальную проблематику чеховских пьес. В результате мы наблюдаем спрямление чеховского замысла, его однолинейное восприятие, нивелировку психологических нюансов характеров. Пьесы вызвали бурное обсуждение в критике. Но все рецензенты сходились на необходимости и важности представления на сцене «больших» пьес Чехова.

Ставятся на сцене в Ираке и рассказы Чехова, переработанные для театра. Большая роль в этом принадлежит А. Наим, которая создала несколько пьес по мотивам чеховских рассказов. Рецепции А. Наим рассмотрены в *разделе 2.5* «Сценические версии рассказов А.П. Чехова в Ираке». В пьесах А. Наим акцент переносится с психологической на

социальную проблематику. Ее герои – простые иракцы. Большой резонанс в обществе вызвала пьеса «Если бы...» по мотивам рассказа Чехова «Горе». Это название представляется нам очень удачным, потому что содержит мысль о невозможности вернуть загубленную жизнь. Кроме того, оно перекликается с финальными словами Ольги из пьесы «Три сестры»: «Если б знать... Если б знать...». Иракские критики отметили, что пьеса «Если бы...» понятнее иракским зрителям, чем рассказ «Горе». Чеховский герой, по их мнению, лентяй и алкоголик, а Хамади в пьесе А. Наим – жертва социального гнета и непрерывного несчастья. Для него алкоголь – это друг, кроме него ничего не осталось. Когда он пьет, он чувствует себя хозяином, его никто не унижает, не обращается как с животным. Он получил на работе травму, из-за этого его увольняют, умирает его мать, затем младший сын, жена – все эти трагедии заставляют его пьянствовать, чтобы убежать от действительности.

Действие в пьесе «Путешественник с фантазией» по мотивам «Палаты № 6» происходит в психиатрической больнице. Чеховская мысль о сумасшествии как естественной реакции на безумный мир и о личной ответственности человека за все, в этом мире происходящее, разделена между героями. Больные страдают за то, что произошло с ними в прежней жизни. Санитар жестоко пользуется их состоянием, отправляет на улицу попрошайничать, заменяет нужные лекарства на пустышки. Молодой врач пытается навести порядок, но Санитар настраивает против него больных, говорит, что врач виноват в их бедах, и они убивают врача. А. Наим написала по мотивам страшного чеховского рассказа еще более страшную пьесу. Мотивы безысходности, безответственности, приводящей к умножению зла, доведены в ней до крайности. Если доктор Рагин у Чехова заслужил свою судьбу равнодушием и бездействием, то молодой врач в пьесе А. Наим пытался противостоять злу.

Пьеса А. Наим по мотивам рассказа «Смерть чиновника» называется «Горячий день». Как и в предыдущем случае, драматург переносит события в современный Ирак, придает им острый социально-политический смысл. Главный герой в пьесе – фотограф. Делая снимки «важного человека», он невольно чихает, как и в рассказе Чехова. Как и Чехов, А. Наим предоставляет своему герою несколько попыток объясниться с «важным человеком». И здесь есть существенное отличие ее пьесы от чеховского рассказа. Червяков вовсе не чувствует себя ничтожным и маленьким человеком. Герой иракской пьесы – действительно маленький человек, зависимый от настроения начальника. Он ищет причину своего чихания и вспоминает, что одет в костюм, взятый напрокат за большие деньги. Жара и чужой костюм виноваты в его чихании. В финале фотограф умирает.

В пьесе «Мечта Масуда» по мотивам рассказа «Хамелеон» героя тоже покусала собака. Но у Наим – это собака британского посла, а Ирак долгое время был британской колонией. У Чехова нет правых и виноватых: все участники событий в большей или меньшей степени «хамелеоны», и вердикт Очумелова в пользу генеральской собаки вызывает в толпе лишь смех в адрес Хрюкина. Напротив, герой Ауаутиф Наим вызывает сочувствие всех действующих лиц. Чтобы подчеркнуть это, драматург вводит в пьесу несколько женских ролей.

Можно предположить, что кроме главного источника – рассказа Чехова «Смерть чиновника», А. Наим ориентировалась на художественный опыт другого русского писателя – Н.В. Гоголя. В поведении фотографа легко узнается Акакий Акакиевич, а в преувеличении своего участия во всех мировых проблемах – Поприщин из «Записок сумасшедшего». Это существенно трансформировало чеховский замысел. Фотограф – зависимый человек, он сталкивается со своим начальником. Червяков – с чужим, он относительно независим. Червяков чихает один раз, что подчеркивает спонтанность его поступка. Фотограф чихает трижды, причем в те самые моменты, когда извиняется. Это может показаться злонамеренным и усугубляет социальный конфликт. Смерть Червякова объясняется его малодушием, раболепием и законами системы. Смерть фотографа имеет более понятные причины: потеря работы, нищета, судьба семьи. Однако, усматривая в чеховском рассказе острое социальное обличение, Наим, как нам кажется, не видит в нем пародийного смысла, который был отмечен российскими учеными.

Возникает закономерный вопрос: что важнее для инокультурного читателя и зрителя – перевод чеховских произведений, сохраняющий их оригинальность, или передача чеховской идеи, приближение первоисточника к читателю и зрителю, но при этом отказ от его уникальности? Думается, необходимо и то, и другое, но в контексте нашей работы второй путь, несомненно, интереснее. Выбор произведения, степень его переработки приобретают не только литературную, но и историческую и идеологическую значимость. Это позволяет осмыслить чужую литературу как свою, что чрезвычайно характерно для Востока.

Творчество и личность Чехова становятся фактом арабской культуры, но они не трансплантируются, а творчески переосмысливаются, перерабатываются под влиянием специфики общественного и литературного развития другого народа, особенностей его социальной практики. Чеховские сюжеты оказались осовременены, «встроены» в социально-политическую жизнь Ирака, приобрели новую национальную и историческую конкретику.

В **заключении** диссертации подводятся итоги работы.

Восприятие и оценка личности и творчества А.П. Чехова в Ираке – это восприятие и оценка всей русской литературы. Произведения Чехова стали своего рода «энциклопедией русской жизни» и источником духовного и эстетического обогащения иракских критиков, режиссеров, писателей, читателей.

Иракская литература и театр берут у Чехова то, что более всего согласуется с условиями национальной среды. Все, что не соответствует, остается непонятым и невоспринятым. В то же время Чехов наделяется тем, чего у него, на взгляд российской науки, нет или второстепенно: революционность, наличие общих идей, «достоевское» сострадание к униженным и оскорбленным. Но даже второстепенные, эти общественные и художественные идеи присутствуют в чеховском творчестве, и их влияние на другую культуру позволяет в полной мере оценить именно международное значение Чехова.

Наблюдения и выводы диссертации позволяют составить обобщенное представление о роли Чехова в становлении и развитии иракских литературы, критики и театра. В ходе работы мы выяснили, что:

– интерес к русской литературе и культуре существует в Ираке давно и во многом определяется сознательной просветительской деятельностью России на Арабском Востоке;

– в арабских странах, в частности в Ираке, сложился особый образ Чехова, не всегда отвечающий действительности, но соответствующий арабской ментальности и социально-политической ситуации;

– главными достоинствами Чехова-писателя в восприятии арабов стали правдивость, гуманизм, психологизм, изображение повседневной жизни, исторический оптимизм, художественное мастерство в области жанра рассказа, драматургические поиски, общечеловеческая проблематика чеховских произведений;

– восприятие творчества Чехова в Ираке соответствует этапам становления самого писателя. Он пришел как сатирик и социальный обличитель и лишь значительно позже был осознан как психолог, философ и тонкий художник. Перемены в восприятии творчества Чехова связаны с изменением культурного сознания общества, его духовных запросов;

– в чеховской драматургии иракских критиков, режиссеров и зрителей в первую очередь привлекали те ее особенности, которые оказались наиболее близки традициям иракского театра: сочетание трагического и комического, условность, символический характер образности;

– драматические произведения Чехова подверглись существенной трансформации с целью адаптации их к иракским театральным традициям и социально-политической обстановке в стране;

– особой формой рецепции чеховских произведений в Ираке стали пьесы А. Наим, сохраняющие их фабулу, но переносящие события на иракскую почву; такая национальная адаптация позволяет сделать произведения Чехова фактом иной национальной культуры.

«Восприятие литературного произведения за рубежом... обычно отличается от восприятия на его родине. И было бы ошибкой квалифицировать такое зарубежное восприятие как неправильное: оно вполне закономерно. Более того, это зарубежное восприятие, осуществляемое с определенной дистанции, позволяет иной раз разглядеть то, что не замечается вблизи», – писал Ю. Левин¹. При трансплантации чеховских сюжетов происходит утрата части оригинального смысла. Это утраченное отражает русскую национальную картину мира, которая заменяется другой национальной картиной мира. Таким образом, при сравнении чеховских текстов и их иракских переложений или сценических интерпретаций выявляются национальные и общечеловеческие элементы чеховского творчества.

Несмотря на то, что российское литературоведение в последние десятилетия отказалось от идеологического восприятия литературы, отметим еще один вывод нашей работы. По датам публикаций в Ираке о Чехове можно составить летопись взаимоотношений арабских стран с Россией и Советским Союзом. Они активизировались в 30-е гг. XX в., после Великой Отечественной войны, после революции в Ираке в 1958 г., значительно ослабли после 1990-х гг. и вновь развиваются в наши дни. На всех этапах этих отношений, на всех этапах развития иракской культуры в XX в. творчество А.П. Чехова оказывалось востребованным, служило нравственным и эстетическим ориентиром для литературной, театральной и общественной жизни Ирака и всего Арабского Востока. И это является лучшим доказательством мирового значения творчества Чехова и всей русской литературы.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях автора:

*Статьи в рецензируемых изданиях, рекомендованных
ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации*

1. Хилми (Аббасхилми), А.Я.А. Путь творчества А.П. Чехова к арабскому читателю: историко-литературный обзор / А.Я.А. Хилми // Вестник Южного научного центра РАН. – 2014. – Т. 10, № 1. – С. 99–104 (в соавт. с М.Ч. Ларионовой) (0,6 п.л.).

---

¹ Левин Ю. Перевод и бытие литературы // Вопросы литературы. 1979. № 2. С. 17.

2. Хилми (Аббасхилми), А.Я.А. Восприятие и оценка творчества А.П. Чехова в Египте и Ираке / А.Я.А. Хилми // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Сер. «Филологические науки». – 2014. – № 2 (87). – С. 149–153 (0,4 п.л.).

3. Хилми (Аббасхилми), А.Я.А. Пьеса-шутка А.П. Чехова «Предложение» на иракской сцене / А.Я.А. Хилми // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2015. – № 2 (97). – С. 158–162 (0,4 п.л.).

*Статьи в сборниках трудов и материалов научных конференций
и других научных изданиях*

4. Хилми (Аббасхилми), А.Я.А. Изучение произведений А.П. Чехова в Багдадском университете / А.Я.А. Хилми // Творчество А.П. Чехова: рецепции и интерпретации: материалы Междунар. науч. конф. – Ростов н/Д.: Изд-во «Foundation», 2013. – С. 141–143 (0,4 п.л.).

5. Хилми (Аббасхилми), А.Я.А. За что любят А.П. Чехова в арабском мире / А.Я.А. Хилми // Категории рационального и эмоционального в художественной словесности: сб. ст. по итогам VII Междунар. науч. конф. «Рациональное и эмоциональное в литературе и фольклоре». – Волгоград: Перемена, 2013. – С. 92–99 (в соавт. с М.Ч. Ларионовой) (0,5 п.л.).

6. Аббасхилми, А.Я. Пьесы А.П. Чехова на иракской сцене / А.Я. Аббасхилми // Восток–Запад: диалог культур в пространстве русской словесности: сб. науч. ст. – Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2015. – С. 19–24 (0,5 п.л.).

7. Аббасхилми, А.Я. «Лебединая песня» А.П. Чехова на иракской сцене: формы адаптации / А.Я. Аббасхилми // Чеховская карта мира: сб. материалов Междунар. науч. конф. – М.: Изд-во «Мелихово», 2015. – С. 87–94 (0,5 п.л.).

АББАСХИЛМИ Абдулазиз Яссин Аббасхилми

ТВОРЧЕСТВО А.П. ЧЕХОВА В ИРАКЕ:
ВОСПРИЯТИЕ И ОЦЕНКА

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Подписано к печати 15.09.15. Формат 60x84/16. Бум. офс.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 1,4. Уч.-изд. л. 1,5. Тираж 110 экз. Заказ .

Типография Издательства ВГСПУ «Перемена»
400066, Волгоград, пр. им. В. И. Ленина, 27